

Подобное уже делали древние египтяне, римляни, викинги и майя. Теперь настал черед и московских властей. Согласно некоторым газетным сообщениям, где-то в центре города – может, на Таганке, а может на Пушкинской площади возникнет граффити-панорама размером 200 квадратных метров, которая отобразит победу над Наполеоном в Отечественной войне 1812 г. Префект Центрального округа (ЦАО) возвестил, что хотя техническое задание еще находится в стадии разработки, но образы Кутузова и Наполеона точно войдут в панно. Аккуратно к юбилею, 7 сентября, граффити-панорама должна быть готова. Рассчитывают, что в создании проекта будут участвовать около десяти команд художников.

Намерения московских властей похвальны. Искусство граффити хотя и известно многим культурам уже несколько тысячелетий, считается довольно новой художественной формой. В общем-то и на Западе ее признали искусством лишь в восьмидесятые годы прошлого столетия.

Московские художники явно будут из молодого поколения, чей взгляд на такое историческое событие как Отечественная война заслуживает места в общественном пространстве. При этом новость о планах создания граффити-панорамы вызывает некоторое удивление. У меня сложилось впечатление, что эта форма искусства еще недостаточно прижилась в Москве, чтобы общественные власти надеялись прибегнуть к ней для достижения высоких политических целей. Поскольку граффити-арт во всем мире прежде всего считается протестным искусством и как таковое – не принимая в расчет тупой вандализм, доставляющий столько хлопот многим владельцам частной и общественной собственности – воспринимается и на стенах, площадях и улицах Москвы. Исследователи искусства граффити исходят из предпосылки, что граффити выполняет функцию предупреждения об опасности и может восприниматься как термометр политической активности. Что приобретает особое значение во времена политической нестабильности. В этом случае, граффити могут быть индикатором общественных настроений, в зависимости от того, терпят ли их содержание или последовательно преследуют за него.

Московские власти, разумеется, нельзя заподозрить в желании с помощью граффити ввести в обиход общественного пространства политически заостренные темы. Поэтому не стоит предполагать, что граффити-панорама, посвященная Отечественной войне, будет содержать что-то неприятное для заказчика, например, антивоенные высказывания или критический намек на военные действия России из новейшей истории. Так что «команды художников», делающих эскизы военной панорамы для ЦАО, работают согласно руководящей линии их государственных заказчиков, а не по принципу свободного художественного высказывания. Но именно граффити дает точку отсчета для понимания, насколько свободно искусство может выражать себя в той или иной стране.

Западу тоже пришлось пройти этот долгий и трудный путь, чтобы осознать это. Недавняя история искусства в вопросах стрит-арта тоже была историей запретов. До сих пор мало чего известно об активистах первой волны, они стремились к анонимности, чтобы избежать штрафных санкций. Об одном из, пожалуй, первых настоящих художников граффити современности, француза Жерара Злотыкамьена, широкая публика знает очень мало.

Неслучайно, искусство граффити зародилось в тридцатые годы прошлого века в США как гангстерское граффити. Знак «реасе» внепарламентской оппозиции стал не только символом антивоенного движения, но до сих пор считается универсальным символом имперсонального протеста.

Как трудно и западным странам было примириться с искусством граффити показывает судьба Харальда Нэгели – «цюрихского баллонщика». Нэгели рисовал по ночам на стенах цюрихских домов фигурки человечков до тех пор, пока не был пойман в 1981 г. после долгого безуспешного следствия, и приговорен к крупному денежному штрафу и девяти месяцам заключения. Однако, Нэгели удалось сбежать от ареста в Германию и некоторое время скрываться от международного розыска, пока его все же не схватили. Даже заступничество тогдашнего федерального канцлера Вилли Брандта и художника Йозефа Бойса ему не помогли. В конце концов, Нэгели пришлось отсидеть свой срок. Вскоре же его работы стали копировать, выставлять в галереях и повсеместно распространять. Нэгели стал незримой звездой, чье искусство нашло своих подражателей. В 1995 году кантональные власти Цюриха признали некоторые из сохранившихся граффити Нэгели достойными сохранения. В последние годы его нарисованные человечки консервируются частными и общественными владельцами. Из Нэгели-мазилы возник Нэгели-художник.

Редко бывает, что современное искусство с самого начала пользуется признанием общественных и политических кругов. Хотя и само искусство, и общественное пространство во всем мире за последние сорок лет подверглись растущей коммерциализации, тем не менее эта связь – искусства в общественном пространстве – не потеряла свой коммуникативный потенциал. Московские власти, которые заказали граффити-панораму, наверняка знают об этом потенциале. И хотят его использовать, чтобы с помощью нового языка – языка граффити – отпраздновать большой юбилей.

Это вполне законно. Также законно возникает вопрос о свободе искусства в общественном пространстве. Различные течения в искусстве граффити за последние тридцать лет часто проходили путь от протеста к признанию. То, что изначально было запрещено, позже становилось мейнстримом.

Однако это возможно лишь в том обществе, в котором, с одной стороны, правила игры для свободы художественного выражения (включая и ее границы) точно определены, а с другой стороны, они постоянно подвергаются проверке на прочность под влиянием новых тенденций и может быть даже провокаций. Ни одна граница не может быть установлена навечно. Что можно допустить, а что нельзя снова и снова должно определяться, иногда и под влиянием вызывающего высокий общественный резонанс повода.

Именно так, на мой взгляд, и обстоят дела на данный момент в Москве и России: существующие границы смещаются, заново дискутируются. Таково правило диалектики протеста и признания. Граффити-панорама с Кутузовым и Наполеоном – неплохая идея. Но только в тех рамках, которые включают свободу творчества и для всякого другого искусства граффити.

Руководитель департамента культуры города Москвы, Сергей Капков, задумывается о новых площадях для стрит-арта и хочет запустить пилотные проекты. Звучит неплохо. Однако вместе с тем, он хочет создать совет, который будет проверять и оценивать проекты. По словам Капкова, исходя из эстетических соображений. Вот бы узнать, что понравится, а что нет.

Michael Schindhelm
(12.4. 2012)